

В «ГУДКОВСКОМ КУПЕ»

Всегда в гуще людей

ского — железнодорожников из управления Октябрьской магистрали — горячо приняли нашу новую работу, которую мы посвятили XXVII съезду КПСС.

— Игорь Олегович, разъясните, пожалуйста, «загадку» вашей биографии. По окончании десятилетки вы поступили в медицинский институт, а спустя год перевелись на философский факультет ЛГУ. Однако и оттуда ушли спустя три года и закончили уже театральный вуз, не так ли?

— Все правильно. В блокаду, мальчишкой, я посмотрел столько горя, страдания, слез, что профессия врача стала для меня чем-то вроде путеводной звезды, она на время отодвинула увлечение театром, который я любил чуть ли не с первого класса. Но, проучившись два семестра в медицинском, понял, что сюда пришел, окутанный романтическим ореолом врача-спасителя, ни на грамм не представляя его повседневные будни. Наверное, можно быть сносным инженером, но сносным хирургом, считаю, — никогда!

Вот и ушел в ЛГУ.

— А что помешало окончить университет?

— Все то же — театр! У нас был отличный студенческий драматический коллектив. С него, а точнее с постановки гоголевского «Ревизора», все и перевернулось в моей судьбе. Да и не у одного меня. Вот и Леонид Харитонов, и Сергей Юрский тоже ушли из ЛГУ в актеры.

— Правда, что вас пригласили после «Ревизора» во МХАТ?

— Что было — то было. Одновременно кинорежиссер В. Петров предложил мне сыграть Хлестакова в экра-

низированной комедии Гоголя. Мой выбор оказался на стороне кинематографа. А по окончании съемок были Ленинградский театральный институт и параллельно — три сезона работы в Большом драматическом театре имени Горького.

— Помните свои работы на этой сцене?

— А как же! Это были интересные роли в спектаклях «Когда ломаются копыта», «Под золотым орлом», «Рюи-Блаз». Я ушел в Пушкинский театр не потому, что меня не удовлетворял репертуар тогдашнего БДТ, а по той причине, что захотелось поучиться мастерству у таких корифеев сцены, как Черкасов, Симонов, Толубеев, Меркурьев, Борисов, талант которых в те годы был в полном расцвете.

— Как встретили пушкинцы?

— Очень даже мило. Об этом говорит и моя первая там главная роль — хирурга Ведерникова в пьесе А. Арбузова «Годы странствий». Затем было немало хороших ролей — Алексей в «Оптимистической трагедии», Вася Пепел — «На дне», Лаврецький в «Дворянском гнезде», Устиненко в «Деле, которому ты служишь». В общем, в основном играл положительных героев в этом театре.

— Принципиально или в силу вашего ампула?

— Да как сказать. Скорее, из-за моего характера. Я за то, чтобы на сцене действовали люди, яростно борющиеся с негативными явлениями нашей жизни, которые не мирятся с теми недостатками, что мешают нашей действительности. Театру необходимо вскрывать болевые точки времени, вы-

нося на подмостки то, что волнует сегодня большинство нашего общества. А кто это может передать ярче, доходчивее? Конечно, положительный герой! И я горжусь, что присужденная мне Государственная премия имеет такую пометку: «За создание образа положительного героя на сцене Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина».

— Однако в кино у вас немало и отрицательных персонажей...

— Там в полной мере и проявился пресловутый принцип кинематографической типажности, чего нет в театре. Больше всего я получал приглашений сниматься в схожих ролях после выхода на экраны картины «Искатели» по Д. Гранину, где я сыграл роль карьериста Потапенко.

— И как долго продолжалось это «безобразия»?

— А лет пятнадцать! По натуре я человек мягкий, не умею отказываться, вот и снимался в ролях эдаких обходительных прохвостов. А потом режиссер С. Колесов пригласил меня на роль Якушева в многосерийном телефильме «Операция «Трест». Этот образ сразу захватил меня своей необычной судьбой. Бывший анархист, человек умный, патриот, он шел вначале ложным путем. Но встреча с чекистами Артузовым, Менжинским, их убежденность, их истовость заставили Якушева иначе взглянуть на события в России, стать их верным помощником. Понять существо этого непростого характера мне особенно помогло знакомство с сыном Якушева, который показывал мне семейные фотогра-

фии. На одной из них Якушев смотрел веселый, жизнерадостный. И только взглянув в снимок пристальнее, я заметил: глаза у него даже в эти минуты были серьезными. Это лицо человека исключительной выдержки и долга стояло передо мной все время, пока создавался телефильм.

— А что помогло сыграть изобретателя Огнева в картине «Укрощение огня»?

— Приступая к этой работе, я часто бывал в институтах, конструкторских бюро, на испытательных полигонах, связанных с космическими исследованиями. Наблюдал за делами людей, одного из которых мне предстояло сыграть, но так ничего и не понял, чем же они конкретно занимаются, ну ни на ноготь мизинца! Решил: роль непременно проваляю. Ужасно расстроился, захандрил и вот столь несобранным пришел на первую съемку. Режиссер Д. Храбровицкий увидел меня и сказал: «Молодец, Горбачев! Именно таким задержанным я Огнева и представлял». В случайно найденном «минорном» ключе я и вел всю роль, как бы оттеняя взрывной, неспокойный нрав Башкирцева, которого играл мой земляк К. Лавров.

— Заканчивая разговор о кино, хотелось бы узнать о ваших нынешних экранных работах.

— Сыграл небольшую роль в телефильме «Чокан Великанов», с удовольствием работал над ролью адвоката Богарта в картине «Две версии одного столкновения», которая недавно вышла на экраны.

— Игорь Олегович, последние годы вы возглавляете Пушкинский театр как его

художественный руководитель. Не мешает ли это вашему основному ремеслу, актерскому?

— В истории нашего театра уже был такой период, когда труппой руководил замечательный советский актер Ю. Юрьев. Теперь вот мне выпала эта большая честь. Возглавлять, ясное дело, непросто, но моя миссия заключается не в том, чтобы самому ставить спектакли, хотя я и люблю это, но и в том, чтобы собрать в коллективе актеров и режиссеров — единомышленников. Судя по отзывам зрителей, критики, это удается. А что касается моего ремесла, то тут могу ответить так: меньше стал играть необязательных, проходных, что ли, ролей.

— О чем мечтаете?

— Люди моего возраста живут больше реальными делами, чем фантазиями. Жаль, разумеется, что не сыграл Сирано, Чацкого, Федора Иоанновича, но есть возможность попробовать себя в ролях Фамусова, Городничего.

— Игорь Олегович, несмотря на сильную загруженность в театре, вы успеваете вести большую общественную работу как член Ленинградского горкома КПСС, Советского комитета защиты мира, Центрального правления ВТО, профессора Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Как вам удается все это совмещать?

— Люблю быть в гуще людей, жить их постоянными заботами и чаяниями. Такое общение меня как человека, обогащает свежими мыслями, идеями и надеждами, дает новые импульсы для творчества. Уверен, что и сегодняшняя встреча с ленинградскими железнодорожниками мне пригодится в работе. Вот почему я отдаю всему этому свои силы без остатка и буду отдавать их, пока бьется сердце.

ЛЕНИНГРАД.

НА СНИМКЕ: И. Горбачев.

Народный артист СССР, лауреат Государственной премии, художественный руководитель Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина Игорь Горбачев не раз встречался с работниками Октябрьской магистрали. Выступал он и во Дворце культуры железнодорожников, и в клубах. После одной из таких встреч наш внештатный корреспондент В. Петров и побеседовал с популярным актером.

— Игорь Олегович, вы были делегатом от Ленинградской партийной организации на XXVII съезде КПСС, выступили с высокой трибуны. Возвращаясь к тем дням, о чем бы хотелось сказать?

— Впечатлений масса! Прежде всего, конечно, глубоко взволновал Политический доклад, от которого так и веяло свежим ветром обновления. Немало в нем было места отведено и вопросам развития советской литературы и искусства. На мой взгляд, здесь определенная застой. Об этом и я пытался поразмышлять в своем выступлении на съезде.

— Вы сказали, в частности, что многие авторы утратили широту взгляда на жизнь, скатились на позиции абстрактного гуманизма, пацифизма...

— Сказал! И сегодня повторю, что мало у нас пьес исторического, героико-патриотического плана. А ведь мы, русские люди, богаты на славные имена, незабываемые события, когда вопрос «кто кого?» звучал однозначно. Молодежь должна об этом знать, гордиться своими героями, брать с них пример.

Среди важнейших задач, поднятых на съезде, большое место заняла и проблема воспитания коммунистической нравственности. А к ней

прямое отношение имеет театральное искусство, где ежевечерне происходит диалог актера и зрителя, один на один, без утайки. Мне откровенно сознавать, что к таким гражданственным спектаклям нашего театра, как «Пока бьется сердце» и «Предел возможного», где эта проблема трактуется широко и всесторонне, прибавился еще один — драма молодого московского автора Олега Перекалина «Требуя суда!». Эту пьесу я поставил перед самым отъездом на партийный съезд, как бы подготовив трудовой рапорт старейшего театра страны — Пушкинского — очередному форуму советских коммунистов. Мне по душе, что в этой пьесе говорится о персональной ответственности за судьбу общего дела. Подчеркиваю, персональной! И хотя действие драмы разворачивается на небольшой железнодорожной станции в сибирской глубинке, заложенный в ней конфликт обращен, смею верить, к каждому сидящему в зрительном зале, к его совести, к его честности.

Сверхзадача пьесы проглядывается четко: нельзя в наши дни жить только узко-собственническими интересами, забота об общем благе должна стать личной заботой каждого советского человека. Первые зрители, а среди них было много наших соседей по площади Остров-